

Рецензия /
Book Reviews

<https://elibrary.ru/ZZPKAD>
УДК 821.133.1.0
ББК 83.3(4Фра)52

«СЛЕДИТЕ ЗА ВСЯКИМ МОИМ ЗНАКОМ». НОВЫЙ ТРУД О БАЛЬЗАКЕ

© 2026 г. К.А. Чекалов

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия;
Школа актуальных гуманитарных исследований
РАНХиГС, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 26 ноября 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 05 декабря 2025 г.

Дата публикации: 25 июня 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-2-424-435>

Аннотация: Новое исследование французского литературоведа Лоран Бентолила «Криминальное тело в бальзаковских романах» (2025) основано на ее докторской диссертации, защищенной в Тулузском университете в 2018 г. Криминальные сюжеты и персонажи Бальзака уже не раз становились предметом изучения в современной науке, но Л. Бентолила предлагает новый взгляд на эту проблему, опираясь на представления М. Фуко о телесности. В центре внимания оказываются внешние проявления криминальной натуры, а также преступное сообщество как своеобразное коллективное тело. Автор монографии уделяет большое внимание современным Бальзаку трудам по физиогномике, френологии, медицине и юриспруденции, причем романы и повести писателя не всегда оказываются простыми иллюстрациями соответствующих теорий. Книге Л. Бентолила свойственно глубокое владение материалом (к рассмотрению привлекается не только «Человеческая комедия», но и малоизвестные сочинения Бальзака), стиль изложения сочетает основательность с увлекательностью.

Ключевые слова: Бальзак, монография, физиогномика, преступление, тело, внешность, знак, общество

Информация об авторе: Кирилл Александрович Чекалов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

E-mail: ktchekalov@mail.ru

Для цитирования: Чекалов К.А. «Следите за всяким моим знаком». Новый труд о Бальзаке // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 2. С. 424–435.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-2-424-435>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 2, 2026

“DON'T MISS ANY OF MY SIGNS.” A NEW WORK ON BALZAC

© 2026. Kirill A. Chekalov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
School of the Advanced Studies in the Humanities,
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia*
Received: November 26, 2025
Approved after reviewing: December 05, 2025
Date of publication: June 25, 2026

Abstract: The new study by French literary scholar Lauren Bentolila, *Le corps criminel dans les romans balzacien* (2025), is based on her doctoral thesis defended at the University of Toulouse in 2018. While the criminal plots and characters of Balzac have been the subject of study in contemporary scholarship on multiple occasions, L. Bentolila offers a fresh perspective on this issue, drawing on the ideas of Michel Foucault concerning corporeality. The focus is on the external manifestations of a criminal nature and the criminal community as a kind of collective body. The author of the monograph pays considerable attention to the works on physiognomy, phrenology, medicine, and jurisprudence contemporary to Balzac, whereby the novelist's works are not always simple illustrations of the corresponding theories. L. Bentolila's book is characterized by a profound command of the material (it draws not only upon *The Human Comedy* but also other writings by Balzac), and its style combines thoroughness with engaging presentation.

Keywords: Balzac, monograph, physiognomy, crime, body, appearance, sign, society

Information about the author: Kirill A. Chekalov, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, The School for Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave., 82, 119571 Moscow, Russia. <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

E-mail: ktchekalov@mail.ru

For citation: Chekalov, K.A. “Don't Miss Any of My Signs.” A New Work on Balzac.” *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 2, 2026, pp. 424–435. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-2-424-435>

Во Франции ежегодно публикуется до десятка монографий, посвященных тем или иным аспектам жизни и творчества Бальзака. И это не считая бальзаковского ежегодника («L'Année balzacienne»; выходит с 1959 г.), докторских диссертаций и несметного количества рассеянных по разным изданиям статей. Порой кажется, что в наследии Бальзака уже не осталось проблем, в той или иной степени не разработанных учеными. На уходящей в бесконечность бальзаковедческой полке свое достойное место займет и рецензируемый труд Лоран Бентолила, напечатанный недавно престижным научным издательством *Classiques Garnier*.

В его основе — диссертационное исследование «Бальзак и лики зла», подготовленное автором в Тулузском университете (защита состоялась в 2018 г.). Название книги несколько иное: «Криминальное тело в бальзаковских романах». Оно вызывает ассоциации с юридическим термином *corpus delicti* — и тем самым соотносит этот труд с проблематикой, вполне основательно разработанной в бальзаковедении. Следует уточнить, что криминальная тема в творчестве Бальзака изучалась преимущественно в аспекте ее связи с детективным нарративом, причем решения предлагались разные: если первопроходец в изучении жанра Режис Мессак безоговорочно относил Бальзака к предшественникам детектива [11], то Рене Гиз усматривал в его романах как предвидение этого нарратива, так и его отрицание, так сказать, «avant la lettre» [8, р. 9], а Шанталь Массоль делает ставку на «энигматические» аспекты творчества писателя и полностью отрицает указанную связь (делая исключение разве что для повести «Дело об опеке», 1836) [10, р. 68]. Однако автора рецензируемой монографии эти, да и прочие жанровые споры почти не интересуют. Свою задачу она видит

в другом, а именно в описании и углубленном анализе телесных манифестаций преступного склада личности в бальзаковской прозе. Как указывал в свое время Б.Г. Реизов, Бальзак «пытается проникнуть за завесу внешности, прочесть иероглифы физиономии и истолковать внешние знаки, которыми психика выдает свои тайные свойства» [4, с. 282]. Всеобъемлющего и систематического истолкования этих «внешних знаков» в литературоведении не доставало, и монография Л. Бентолила с успехом заполняет эту лакуну.

Важным методологическим ориентиром для автора монографии становится категория «телесности» в понимании Мишеля Фуко. Учтены и некоторые труды, созданные в орбите представлений Фуко, вроде книги Ф. Керлуэган «Поэтика романтического тела» (2006). Кроме того, автор многим обязан популярной в наше время «уликовой парадигме» Карло Гинзбурга («метод Задига»); наконец, она отдает должное ряду ключевых бальзаковедческих исследований последнего десятилетия, и в том числе выдержанной в духе идей Ф. Гваттари работе Б. Лиона-Каэна «Бальзак и комедия знаков» [9], а также монографии Режи́н Бордери «Человеческая комедия, или чувство детали» [6].

Автор не приводит полного описания корпуса привлекаемых им произведений Бальзака; он устанавливается только по указателю. В него в первую очередь входят романы и новеллы с ярко выраженным криминальным сюжетом — такие, как «Вендетта» (1830), «Красная гостиница» (1831), «Большая Бретеш» (1831), триптих «История тринадцати» (1834), «Драма на берегу моря» (1835), «Проклятое дитя» (1831–1837), «Темное дело» (1841) и пр. Много внимания уделено также диптиху «Бедные родственники» (1846–1847), не забыты цикл эссе «Патология общественной жизни» (1839) и ранние сочинения, не входящие в состав «Человеческой комедии»: «Наследница Бирага» (1821), «Арденнский викарий» и «Столетний старец» (оба 1822), «Аннетта и преступник» (1824). Важным достоинством рецензируемой книги следует считать активное использование Л. Бентолила многочисленных бальзаковских паратекстов.

Налицо стремление автора представить всё без исключения прозаическое творчество Бальзака как единый, пронизанный общими смысловыми токами текст. Такой подход имеет как свои плюсы, так и минусы. Разумеется, как ранние (демонстративно отринутые писателем), так и относящиеся к периоду зрелости «второстепенные» сочинения Бальзака

проливают свет на его бесспорные шедевры и нередко обнаруживают высокие нарративные достоинства. Но в общем контексте монографии они нуждаются в хотя бы минимальном комментировании. К примеру, первая глава книги Л. Бентолила открывается цитатой из романа «Провинциальная муза» (1843), причем читателю, не имеющему ясного представления об этом произведении, может показаться, будто криминальная тема является для него центральной. На самом деле явной доминантой «Провинциальной музыки» становится литературно-эстетическая проблематика. Вызывает также сожаление отсутствие сколько-нибудь целостного «медальона» одного из главных сочинений Бальзака — «Блеск и нищета куртизанок» (1838–1847), хотя именно этот роман чаще всего анализируется и цитируется в монографии Л. Бентолила (что абсолютно логично, исходя из содержания книги и особенно заключительной ее части, которая воспринимается чуть ли не как «тюремный путеводитель» [5, р. 216]). Лаконичные характеристики романа, приводимые в монографии, глубоки, точны и не вызывают никаких сомнений, беда лишь в том, что они разрозненны, рассеяны по тексту.

Для понимания замысла Л. Бентолила важно уяснить себе, что она имеет в виду под «преступлением». В творчестве Бальзака мы обнаруживаем достаточно широкий диапазон криминальных событий, включая и «полупреступления» (это понятие встречается в романах «Аннетта и преступник» и «Кузина Бетта») [7], и поступки мошенников, которые «грозят не жизни, а только кошельку» [1, с. 13]. Между ними существует внутренняя связь, о чем ясно сказано в «Блеске и нищете куртизанок» («воровство ведет к убийству, а убийство, со ступени на ступень, доводит любовника до эшафота» [13, с. 427]). Однако в монографии приняты во внимание исключительно тяжкие преступления, и ее «герои» — прежде всего убийцы. Здесь, правда, тоже следовало бы сделать определенные градации. Когда автор монографии сводит в одном смысловом поле восьмилетнюю Элен д'Эглемон, иллюстрирующую важную для Бальзака тему — «дети, расплачивающиеся за грехи родителей» [2, с. 471] («Тридцатилетняя женщина», 1829–1842), бретонского «человека-скалу» Камбремера («Драма на берегу моря»), свирепого готического феодала графа д'Эрувиля («Проклятое дитя»), вампира Беренгельда («Столетний старец») и всем известного авантюриста Вотрена/Коллена/Эрреру, она не считает нужным уточнить, что с точки зрения своего функционала в творчестве писателя эти персонажи относятся к раз-

ным «весовым категориям», что масштаб, а также нравственный и социальный смысл совершенных ими преступлений неодинаков.

По Бальзаку, для представителей закона «лицо преступника является <...> картиной, требующей углубленного изучения» [13, с. 336]. Автор монографии фокусируется не только на лице, но и на теле преступника в целом. Само собой разумеется, что к рассмотрению привлекаются увлекавшие Бальзака научные и паранаучные парадигмы, изучавшие визуализацию преступных наклонностей (в первую очередь — френология и физиогномика). Портрет бальзаковского персонажа выходит за пределы эстетического поля, сдвигается от чистой визуализации к документу, превращается в «информационный профиль» («fiche signalétique»). Прослеживается и иное движение: от классического «характера» — к социальной категории, расе и темпераменту. Наконец (небесспорный и не в полной мере эксплицированный автором книги аспект исследования), под «телом» Л. Бентолила подразумевает не только индивидуальный, частный «габитус», но и преступную социальную корпорацию.

В предисловии к изданию двух первых частей романа «Блеск и нищета куртизанок» (1845) Бальзак оправдывает криминальный уклон книги и акцент на изображении соответствующих социальных типов плачевным состоянием современного ему общества, которое писатель лишь подвергает «дагерротипированию» [15, р. XIII]. Об этом же говорится и в «Кодексе порядочных людей». Бальзак мыслит «Блеск и нищету куртизанок» как иллюстрацию выработанного к тому времени научного дискурса о преступлении, что свидетельствует о предпринятом им радикальном обновлении эпистемологического статуса романного жанра.

На протяжении всего XIX столетия криминальный мир все более активно внедряется в картину повседневности. Хотя, по Бальзаку, «современное общество немислимо без преступления» [3, с. 131], было бы преувеличением сказать, что в его времена наблюдается особый рост криминализации; скорее имеет место глобальная медиатизация убийств, краж, адюльтеров и прочих преступлений, так что французский обыватель, особенно житель столицы, ощущает постоянное присутствие угрозы.

Анализируя галерею криминальных бальзаковских персонажей на основе демографических критериев, Л. Бентолила приходит к выводу о явном преобладании преступников мужского пола (на 60 преступников

приходится только 16 преступниц, причем среди них почетное место занимает главная героиня «Кузины Бетты», «романа о могуществе женщин» [5, р. 109] и сильным воздействием архетипических представлений о «черной женственности» на изображение преступниц (в частности, архетипа отравительницы). На примере Лисбет Фишер Бальзак констатирует «эстетизирующий эффект зла» [5, р. 112] — из уродины «бедная родственница» преобразуется в «черный бриллиант»; сходная метаморфоза происходит и с Екатериной Медичи (героиня одноименного исторического романа, 1836–1842). По Бальзаку, женщины способны убивать совершенно на мужской манер и являются опасными противниками.

Еще один важный показатель криминальной статистики — возраст. Во времена Бальзака полагали, что расцвет криминальных склонностей приходится на период от 20 до 30 лет; однако более всего в XIX в. беспокоила детская преступность, о чем свидетельствуют «Парижские тайны» Сю и «Отверженные» Гюго. У Бальзака криминальному поведению все возрасты покорны (при доминировании молодого возраста), а большинство преступлений совершается под влиянием страстей (от алчности до сексуального влечения). В этом отношении Бальзак привержен романической традиции. Роман «Блеск и нищета куртизанок» ясно демонстрирует, что преступные задатки формируются в ранней молодости (так, дочь бедных провинциальных ткачей Прюданс Сервьен, она же Европа, встала на путь криминала в шестнадцать лет).

По Бальзаку, склонность к преступлению наиболее отчетливо выражена у представителей низших социальных классов. Писатель констатирует скрытую склонность черни к насилию и усматривает потенциальную разрушительную энергию как в пролетарии, так и в преступнике (так, изображенные в «Блеске и нищете куртизанок» обитатели тюрьмы Консьержери — в большинстве своем простолюдины с «гнусными физиономиями»). Как отмечает Л. Бентолила, Бальзак осуществляет «переквалификацию социальных знаков в знаки преступления» [5, р. 137]: уродство преступника отражает его моральное падение, а грязь и нищета сопутствуют криминальной деятельности. Романы «Кузина Бетта» и «Крестьяне» (1844) определенно подтверждают связь социальной принадлежности с преступными наклонностями.

При анализе специфических особенностей криминального тела у Бальзака автор монографии делает акцент на присутствии соответствую-

щих знаков на теле Вотрена, одного из наиболее рельефных (как в буквальном, так и в переносном смысле) персонажей «Человеческой комедии»; эти знаки становятся предметом визуализации уже в «Отце Горио» (1835), но особенно — в «Блеске и нищете куртизанок», после того, как он оказывается в тюрьме. Имеется в виду не только собственно клеймо каторжника, но и избыточность волосяного покрова на торсе (для Бальзака этот феномен, наряду с непокорной шевелюрой, документирует доминирование животного начала и сигнализирует о маргинализированности персонажа), и обилие шрамов (лишь подчеркивающих сугубую, навязчивую материальность тела). Геркулесовская статья Вотрена, его атлетическое сложение и недюжинная физическая сила в силу сопоставления с древнеримской статуей обладает некоей устрашающей гармонией. Гиперболизированная физическая сила рассматривается как выражение присущей преступнику высокой энергетики.

Уже упоминавшийся Камбремер также сопоставлен с Гераклом, но в его теле доминирует хтонический хаос, а сам персонаж как бы иллюстрирует кантовский принцип «негативного удовольствия». Хаотизация внешности, по Л. Бентолила, является важной особенностью криминального героя, и своего апогея она достигает в образе графа д'Эрувиля. В ряде случаев хаотизация переходит в «физическую какофонию» [5, р. 199] (таковы портрет и наряд Азии из «Блеска и нищеты куртизанок», целиком построенные на антиномиях).

При анализе влияния на «криминальное тело» климатических особенностей местности, а также чрезвычайно часто встречающихся в произведениях Бальзака сравнений преступников с хищными животными Л. Бентолила подчеркивает, что современные ему трактаты нередко опираются на представления выдающегося позднеренессансного писателя и медика Дж. Делла Порта, а также на идущую от Гиппократа теорию четырех темпераментов. Бальзаковские преступники — прежде всего холерики; кроме того, соответствующий темперамент порой дополняется эпилепсией (Тайфер в «Красной гостинице»; Ташрон в «Сельском священнике», 1839–1841), внешние симптомы которой сходны с манифестациями преступного иступления. Разнообразные приметы монструозности в преступных персонажах (гигантизм или его противоположность, гипертрофия отдельно взятых частей тела, устрашающего вида зубы, пылаю-

ший демонический взор и пр.) нередко роднят бальзаковскую прозу с популярным романом [5, р. 180].

Весьма продуктивен предпринятый в книге анализ преступной деятельности героев Бальзака на фоне характерной для XIX в. социальной летаргии и «утраты живописности» (из авторского предисловия к роману «Дочь Евы», 1839); по мнению Л. Бентолила, преступники на свой лад преодолевают кризис благородных идеалов прошлого и воскрешают «время эпических героев» [5, р. 399]. Их кровавая брутальность может облекаться в респектабельные формы дуэли, а может реализовывать себя в деятельности преступных сообществ. Популярность этих сообществ в романтическую эпоху в полной мере отразилась в бальзаковских романах; преступники покидают трафаретные готические замки и имплантируются в современный социум, становятся «полноправными участниками его функционирования и демонстрируют его абсолютную развращенность» [5, р. 395]. Своего рода символом интеграции криминала в социум становится пансион мамыши Воке в «Отце Горио»: Вотрен до поры является полноправным участником этого «микрообщества» [5, р. 465], разделяя с другими постояльцами не только трапезу, но и «правила вежества». Что же касается преступного мира, то он выступает у Бальзака как своего рода коллективное тело, в своей упорядоченности (пусть и основанной на античеловечной морали) противостоящее дезорганизованности буржуазного общества, руководствующее собственным кодексом чести и особым образом гармонизирующим отношения между индивидом и группой. В «Герцогине де Ланже» телесная метафора (генерал де Монриво предлагает герцогине рассматривать своих спутников, членов могущественного сообщества Тринадцати, как «его руки и сердце» [14, с. 228]) используется как маркер безграничного доверия группы по отношению к индивиду и сигнализирует о своего рода обратимости «части» и «целого» [5, р. 428]. Бальзаковские «сверхпреступники» (Вотрен, Феррагус, Аргоу, Виктор из «Тридцатилетней женщины», Анри де Марсэ из «Арденнского викария») всегда склонны к авторитарности, наделены «вкусом к безграничной власти» [5, р. 445] и нередко становятся предметом своеобразного, оваянного мистицизмом поклонения со стороны членов преступного сообщества.

Прибегая к трудам по френологии, физиогномике, медицине и криминалистике, Бальзак не всегда следует за выкладками их авторов. Так, ме-

дики его времени считали, что преступные инстинкты коренятся в мозгу, а Бальзак укореняет их в области «материально-телесного низа» [5, р. 252]. Не ограничиваясь сведениями из ученых сочинений, писатель опирается на топоры коллективного сознания, а также на собственное «индивидуальное воображаемое» [5, р. 197]. И здесь уместно вновь процитировать отечественного исследователя: «Бальзак скорее следует народной, “фольклорной” традиции, закрепившей за тем или иным антропологическим типом известные психические свойства. Но он столь же “самостоятелен” по отношению к этой традиции, как и к системам Галля или Лафатера» [4, с. 317].

Книга Л. Бентолила подкупает увлекательностью изложения материала, бережным, вдумчивым и непредвзятым отношением к бальзаковским текстам, всесторонним учетом предшествующей научной традиции. Автор не стремится к чисто ритуальным реверансам по отношению к крупным исследователям, хотя подчас прибегает к непрямым аллюзиям на некоторых из них. В частности, одна из глав монографии именуется «Кровоточащие чернила», «Sang d'encre» — нельзя не распознать здесь парафраз названия сначала диссертации, а затем одной из самых известных книг безвременно ушедшего, выдающегося историка массовой культуры XIX – начала XX в. Доминика Калифá («L'Encre et le sang», 1994).

Важная особенность данного труда — явное тяготение к пансемиотическому подходу в духе Умберто Эко. Именно поэтому в название нашей рецензии вынесены слова горничной из «Провинциальной музыки»: «Следите за всяким моим знаком»; они могли бы стать эпиграфом к исследованию Л. Бентолила. Однако во всех ли случаях такой подход к Бальзаку оправдан? Автор монографии отмечает, что не все знаки способствуют идентификации персонажа — в ряде случаев (все тот же Вотрен) они, напротив, подчеркивают «глубину тайны» [5, р. 193]. По мнению Л. Бентолила, Бальзак солидарен с Видоком, который в своих «Записках» отчасти размежевывается с Галлем и Лафатером и отмечает, что особенности внешности не во всех случаях способны выдать преступника. Некоторые современные исследователи склонны с еще большей осторожностью подходить к бальзаковской семиотике, и в их числе — известный немецкий ученый Карлнхайц Штирле, чей блестящий труд «Миф о Париже» (во французском переводе — «Столица знаков») фигурирует в библиографии. По Штирле, при всей его приверженности парижскому пансемиотизму, бальзаковские «семиотические глубины»

не исключают иронии и бахтинской «карнавализации» [12, р. 203] как проявления многомерности писательского «калейдоскопа» [12, р. 277]. Жаль, что иронической составляющей творчества Бальзака, равно как и возможности множественных интерпретаций знака («семиотических экспериментов» [12, р. 290]), в очень достойной книге Л. Бентолила уделено мало внимания.

Список литературы

Исследования

- 1 Мильчина В.А. Кодекс нравописателя, или О способах стать Бальзаком // *Бальзак О. де. Кодекс порядочных людей*. М.: Текст, 2019. С. 5–19.
- 2 Мильчина В.А. Примечания // *Бальзак О. де. Изнанка современной истории*. М.: Независимая газета, 2000. С. 439–542.
- 3 Реизов Б.Г. Бальзак. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. 331 с.
- 4 Реизов Б.Г. Творчество Бальзака. Л.: ГИХЛ, 1939. 411 с.
- 5 Bentolila L. Le corps criminel dans les romans balzaciens. Paris: Classiques Garnier, 2025. 560 p.
- 6 Borderie R. Balzac, peintre de corps. La Comédie humaine ou le sens du détail. Paris: CDU SEDES, 2002. 243 p.
- 7 Delon M. Qu'est-ce qu'un «demi-crime»? // *L'Année balzacienne*. Paris: Presses Universitaires de France, 2014. P. 187–203.
- 8 Guise R. Introduction // *Balzac H. de. Une ténébreuse affaire*. Paris: Gallimard, 2005. P. 7–19.
- 9 Lyon-Caen B. Balzac et la comédie des signes. Saint-Denis: Presses Universitaires de Vincennes, 2006. 296 p.
- 10 Massol Ch. Une poétique de l'énigme. Le récit herméneutique balzacien. Genève: Droz, 2006. 402 p.
- 11 Messac R. Le «Detective Novel» et l'influence de la pensée scientifique. Paris: Champion, 1929. 698 p.
- 12 Stierle K. La capitale des signes. Paris et son discours. Paris: Maison des Sciences de l'Homme, 2001. 630 p.

Источники

- 13 Бальзак О. де. Блеск и нищета куртизанок // *Бальзак О. де. Собр. соч.: в 24 т*. М.: Правда, 1960. Т. 10. 544 с.
- 14 Бальзак О. де. Герцогиня де Ланже // *Бальзак О. де. Собр. соч.: в 24 т*. М.: Правда, 1960. Т. 11. С. 131–268.
- 15 Balzac H. de. Préface // *Balzac H. de. Splendeurs et mysères des courtisanes*. Paris: L. de Potter, 1845. P. VII–XVI.

References

- 1 Mil'china, V.A. "Kodeks nravoopisatel'ia, ili O sposobakh stat' Bal'zakov" ["The Code of the Moral Writer, or On the Ways to Become Balzac"]. Bal'zak, O. de. *Kodeks poriadochnykh liudei* [*The Code of Honest People*]. Moscow, Tekst Publ., 2019, pp. 5–19. (In Russ.)
- 2 Mil'china, V.A. "Primechaniia" ["Notes"]. Bal'zak, O. de. *Iznanka sovremennoi istorii* [*The Other Side of Contemporary History*]. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 2000, pp. 439–542. (In Russ.)
- 3 Reizov, B.G. *Bal'zak* [*Balzac*]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1960. 331 p. (In Russ.)
- 4 Reizov, B.G. *Tvorchestvo Bal'zaka* [*The Works of Balzac*]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1939. 411 p. (In Russ.)
- 5 Bentolila, Lauren. *Le corps criminel dans les romans balzaciens*. Paris, Classiques Garnier, 2025. 560 p. (In French)
- 6 Borderie, Régine. *Balzac, peintre de corps. La Comédie humaine ou le sens du détail*. Paris, CDU SEDES, 2002. 243 p. (In French)
- 7 Delon, Michel. "Qu'est-ce qu'un 'demi-crime'?" *L'Année balzacienne*. Paris, Presses Universitaires de France, 2014, pp. 187–203. (In French)
- 8 Guise, René. "Introduction." Balzac, H. de. *Une ténébreuse affaire*. Paris, Gallimard, 2005, pp. 7–19. (In French)
- 9 Lyon-Caen, Boris. *Balzac et la comédie des signes*. Saint-Denis, Presses Universitaires de Vincennes, 2006. 296 p. (In French)
- 10 Massol, Chantal. *Une poétique de l'énigme. Le récit herméneutique balzacien*. Genève, Droz, 2006. 402 p. (In French)
- 11 Messac, Régis. *Le « Detective Novel » et l'influence de la pensée scientifique*. Paris, Champion, 1929. 698 p. (In French)
- 12 Stierle, Karlheinz. *La capitale des signes. Paris et son discours*. Paris, Maison des Sciences de l'Homme, 2001. 630 p. (In French)